

ФИЛОСОФИЯ СОЗНАНИЯ: ОНТО-ЭКСПЛИКАЦИИ

УДК 81'13

ББК 81

А. В. Кравченко

«СОЗНАНИЕ» КАК ЭКОЛОГИЧЕСКОЕ ПОНЯТИЕ

В статье приводятся аргументы против подхода к проблеме познания и сознания с рационалистических позиций объективного реализма, находящегося в эпистемологической ловушке языка. Подчеркивается прозорливость мысли В. И. Вернадского о необходимости учитывать неразрывность живого организма с окружающей средой, получившей развитие в современной биологически ориентированной когнитивной науке, рассматривающей язык и сознание как экологические факторы.

Ключевые слова: когнитивная система, человеческая когниция, метафора, язык, сознание, разум, мозг, организм-среда.

A. V. Kravchenko

«CONSCIOUSNESS» AS AN ECOLOGICAL NOTION

Arguments are given against the common approach to the problem of cognition and consciousness from the rationalist perspective of external realism which cannot escape the epistemological trap of language. Emphasis is laid on Vernadsky's insightful idea that the inseparability of a living organism and its environment must be taken into account; this idea is being fruitfully developed in the biologically orientated cognitive science that views language and consciousness as ecological phenomena.

Keywords: cognitive system, human cognition, metaphor, language, consciousness, mind, brain, organism-environment.

Кравченко Александр Владимирович [Alexander V. Kravchenko] — доктор филологических наук, профессор кафедры английской филологии Института филологии, иностранных языков и медиакоммуникации. Иркутский государственный университет [Irkutsk State University]. E-mail: sashakr@hotmail.com.

Материал поступил в редакцию 26.06.2017; рекомендован к публикации 1.10.2017. Рецензент от редакционной коллегии журнала — доктор филологических наук Раков Валерий Петрович.

О некоторых особенностях человеческой когниции

Поскольку все познается в сравнении, мы живем метафорами, обычно даже не отдавая себе в этом отчета [29]. Например, когда В. И. Вернадский в 1936 году писал, говоря о ноосфере, что «человеческая мысль охватила биосферу и меняет все процессы по-новому» [4, с. 178], он вряд ли думал о том, что использует метафору «мысль — это сила», т. е. физическая величина. Смею предположить, что современные исследователи ноосферы также не задумываются о том, что «глобальное сознание», «деятельность сознания» и многие подобные выражения — это тоже метафоры, без которых, увы, нельзя обойтись. Как подчеркивают Дж. Лакофф и М. Джонсон, практически невозможно серьезно размышлять или говорить об умственных способностях человека (mind), не концептуализируя их метафорически [30]. Такова особенность человеческой когниции, в основе которой лежит язык — особый вид биосоциокультурно обусловленных взаимодействий с другими и собой, уникальным образом характеризующий человека как биологический вид [13]. Вербальная составляющая языка как деятельности, т. е. языковые знаки и метазнаки (слова и грамматические категории), направляет нашу когнитивную деятельность по руслу, намеченному языковыми категориями [26; 18; 19; 10], и, пытаясь продвинуться по пути познания мира и себя в нем, мы неизбежно оказываемся в эпистемологической ловушке языка [16], поскольку язык — «дом бытия человека» [20], в котором мы живем и за «стены» которого обычно не выходим, потому что не можем, даже если захотим.

Сама же когниция, с точки зрения биологии, есть функция живых систем как единств взаимодействий, существующих в структурном сопряжении со средой. Когнитивная система — это система, организация которой определяет область взаимодействий, где она может действовать значимо для поддержания самой себя, а когнитивный процесс — это актуальное действие или поведение в этой области. Живые системы — это когнитивные системы, а жизнь как процесс представляет собой когнитивный процесс [17]. В терминах эволюционного развития живых систем, с возникновением естественного языка языковые взаимодействия становятся дополнительным измерением когнитивной области взаимодействий организма. Однако если говорить не об эволюции живых систем вообще, включая одноклеточные организмы как живые системы первого порядка, а об эволюции человека как живой системы — на уровне индивида (живой системы второго порядка) и социума (живой системы третьего порядка), необходимо понимать, что для человека как живой системы главной областью взаимодействий, в которой система действует значимо для поддержания самой себя, является *область языковых взаимодействий*: первичная функция языка в отношении к обществу есть функция

социообразующая [6], в языке и через язык индивид и общество взаимно детерминируют друг друга [2].

Поскольку язык является продолжением человеческих органов чувств [35; 38], и поскольку человеческий организм — это структурно детерминированная живая система, языковые взаимодействия, образующие особое измерение когнитивной области организма, становятся той реляционной областью, в которой люди существуют как единства взаимодействий. Исследуя человеческую когницию как биологический феномен, нельзя забывать, что языковая деятельность суть система взаимодействий, *определяющая* человеческий организм как когнитивную систему. Именно языковое поведение как область нефизических взаимодействий (взаимодействий с репрезентациями как специфическими состояниями относительной нейронной активности, вызванными физическими взаимодействиями со средой) делает человеческую когницию уникальной. Если нет этого понимания — а его нет в значительной части как отечественных, так и зарубежных исследований когнитивного толка, будь то философия, психология, лингвистика или нейронаука — не будет и адекватного понимания природы человеческой когниции, включая содержание таких понятий, как разум, сознание, мышление и т. п.

«Подводные камни» объективного реализма

Употребление заимствованного термина *когниция* в русском языке отличается от его функционирования в английском, где соответствующее понятие вбирает в себя сознание, разум(ность), рассудочность, восприятие, интеллект, научение и многие другие способности. Другими словами, английское *cognition* — это все те процессы и способности организма, благодаря которым он функционирует в мире именно как живая система. С этой точки зрения простейшие организмы, такие, как амеба или инфузория — когнитивные системы в не меньшей степени, чем высокоорганизованные млекопитающие с центральной нервной системой; как подчеркивает У. Матурана [17], нервная система расширяет когнитивную нишу организма, но когниции она не создает.

Перевод английского *cognition* как «познание» (характерная особенность многих отечественных публикаций по когнитивистике) нельзя считать точным или адекватным, поскольку в русской научной мысли понятие *познание* обросло огромным количеством коннотаций, связанных с рационалистическим пониманием процесса познания как стремления к истине. Но абсолютная истина недостижима, и если философию рассматривать как любовь к истине, то она «совершенно не имеет общезначимых результатов — того, что можно познать и чем благодаря этому можно обладать. <...> Философия не достигла ничего, несмотря на тысячелетние усилия» [5, с. 481]. Такое радикальное мнение не в последнюю очередь обусловлено

тем, что, в отличие от других наук, направленных на познание наблюдаемого материального («объективного») мира, философия определяется как «особая форма сознания и мыслительной деятельности человека, направленная на всеобъемлющее рациональное осмысление мира и бытия человека в нём» [4].

Подобные определения продолжают дуалистическую традицию в философии объективного реализма — мировоззрении, согласно которому наблюдаемый мир, познаваемый через взаимодействия с ним человека и описываемый с помощью языка (в том числе, с помощью языка науки), существует независимо от нас как субъектов познания: «Предположение, что мир устроен определенным образом независимо от наших репрезентаций того, как он устроен, есть объективный реализм» [37, с. 32]. Процесс взаимодействия разумной живой системы с миром рисуется следующим образом: существует независимая от живой системы реальность, устроенная по неким объективным законам, и раскрытие этих законов, их «усвоение» и составляет процесс познания. При этом не совсем ясно, в чем телеологическая подоплека понимаемого таким образом познания, т. е. в чем конечный, биологический смысл познания как «приобретения знания».

Итак, реальный мир существует независимо от нас, а функция сознания состоит в его «рациональном» осмыслении (понимании?). Но о рациональном (т. е. посредством разума) осмыслении мира можно более или менее убедительно говорить, если имеется адекватное понимание того, что мы называем разумом. Пока природа человеческого разума продолжает оставаться величайшей загадкой наряду с загадкой происхождения и строения Вселенной, и не в последнюю очередь это вызвано тем, что *разум, сознание* и другие близкие понятия категоризированы в языке как сущности или субстанции (имена существительные), т. е. как предметы — а всякий предмет должен иметь свой локус, потому что он находится где-то [5]; следовательно, его можно обнаружить, изучить и описать.

Здесь можно вспомнить историю создания в Москве в 1925 году Института мозга, главной задачей которого было выяснить природу гениальности Ленина, изучая его мозг. По большому счету, современные нейрокогнитивные исследования — например, в отделе нейронаук НБИКС-центра НИЦ «Курчатовский институт» — во многом продолжают этот поисковый проект, пытаясь обнаружить «нервные основы сознания», исследуя мозг как вычислительное устройство в виде «гигантской нейронной сети», в которой «кодируется» содержание «всех возможных произведений мозга» как состояний сознания: «Рассмотрение любого объекта как сети автоматически переводит проблему в плоскость физической и математической теории. Исследуя мозг как сеть, мы, с одной стороны, применяем к нему все современные методы экспериментальной нейронауки, а с другой — движемся в сторону теории мозга и сознания» [1, с. 85]. Интересно, что этот подход к решению проблемы сознания, известный как «компьютерная метафора» (мозг это компьютер,

а сознание — протекающие в нем процессы), был подробно описан одним из основателей когнитивной науки мейнстрима М. Минским более 30 лет назад [34], и современная биологически ориентированная когнитивная наука [см.: 14] рассматривает его как кардинальное методологическое заблуждение, уводящее в сторону от понимания природы сознания и разумной способности в целом. Такие понятия, как разум, сознание, мышление и интенциональность, «соответствуют проводимым нами различениям между разными аспектами нашей реляционной динамики, характерной для нашего функционирования как человеческих существ, и, как таковые, они не находятся в наших телах, равно как и не являются локализуемыми функциями мозга» [33, р. 24].

Мы привыкли видеть мир через призму языка, забывая при этом, что очень часто «видимый» мир представляет собой так называемую наивную картину мира, нарисованную доисторическим наблюдателем, а «в пределе референтной сущностью для любого описания является сам наблюдатель» [17, с. 98]. Например, если наблюдатель в лице ребенка проводит различие между тем, что Д. Примак [36] называет самодвижущимися и несамодвижущимися объектами, то самодвижущиеся объекты описываются как одушевленные по аналогии с наблюдателем как референтной сущностью. Именно поэтому в нашей картине мира ручьи бегут, ветры дуют, облака плывут и т. п. — не потому, что такова «объективная реальность», а потому, что таковы различия, сделанные в языке говорящим наблюдателем. Предложенное У. Матураной понятие (операции) различения очень важно по эпистемологическим соображениям: «Фундаментальной операцией, которую способен осуществлять наблюдатель, является операция различения — определение сущности посредством операционального отсечения сущности от ее фона. Более того, то, что получается в результате операции различения, является предметом со свойствами, которые задаются операцией различения, и этот предмет существует в пространстве, которое эти свойства задают. Реальность, таким образом, это предметная область, и в этом смысле то, что может быть различено, реально существует. При такой формулировке не возникает вопроса о том, что такое реальность: это область, определяемая операциями, которые осуществляет наблюдатель» [31, с. 54].

Язык как особая область взаимодействий между людьми биологичен по природе, социален по определению и лежит в основании человеческой культуры. «Мы, человеческие существа, существуем постольку, поскольку мы существуем как осознающие себя сущности в языке» [32, с. 115]. Мы конструируем «объективную реальность» в когнитивной области наших языковых описаний, основанных на операциях различения, не замечая того, что реальность как универсум независимых сущностей, о которых мы говорим, есть фикция как продукт чисто описательной области [17; 7]. Но это та фикция, которой мы самом деле живем [см.: 12].

«То, что может быть различено, реально существует»; таким образом разум, мысль, сознание, значение, знание, культура и т. д. становятся реальными предметами со свойствами, которые заданы операцией различения. И мы, рядовые говорящие, обычно этого не осознаем, так же, как мы не обязательно задумываемся о том, что стены дома, в котором мы живем, сделаны из камня, кирпича, бетона или чего-то еще и покоятся на фундаменте; зачастую нам просто все равно до тех пор, пока дом выполняет свою функцию жилища человека. В рутинных операциях нашей жизненной практики мы, как отдельные живые существа (когнитивные системы), не задумываемся о том, что такое разум, мысль или сознание, зная, что они — часть нашей реальности как предметной области. Например, я знаю, что у меня есть разум, что я «думаю мысли», выражаю (или пытаюсь выразить) определенные значения и принадлежу определенной культуре, и все это делает меня тем, что я есть — самим собой. И поскольку я думаю свои собственные мысли и решаю, что сделать или куда пойти без какого-либо видимого вмешательства внешних сил — другими словами, поскольку я являюсь самодвижущейся и самоуправляемой сущностью — вполне естественно возникает понятие когнитивной автономности, этой печати когнитивного интернализма: *cogito, ergosum*². В этой связи как никогда актуально звучат сказанные десятилетия назад слова В. И. Вернадского: «Человек, как и все живое, не является самодовлеющим, независимым от окружающей среды природным объектом. Однако даже ученые-натуралисты в наше время, противопоставляя человека и живой организм вообще среде их жизни, очень нередко этого не учитывают. Но неразрывность живого организма с окружающей средой не может сейчас возбуждать сомнений у современного натуралиста» [4, с. 180].

Сознание как экологический феномен

Растет число исследователей, отвергающих «интернализм» и приводящих доводы в пользу того, что то, что мы называем «сознанием», определяется каузальными процессами, выходящими за пределы телесной оболочки и черепной коробки³. Когнитивные процессы распределены в наших мозгах, телах и, в некоторых случаях, социальном и физическом мирах. Впервые став предметом обсуждения в философии когнитивной науки, эта идея нашла широкое применение в эмпирических исследованиях человеческого познания. Главный упор в таких работах делается на то, что если точное корреляционное согласование (сопряжение) между динамическими системами каким-то образом оказывает влияние на человеческое поведение, то обыденный взгляд на сознание является глубоко ошибочным. Рассматривая

² *Примечание:* критику автономности когниции можно найти в [28].

³ *Примечание:* имеются, например, ввиду работы Л. С. Выготского, Дж. Гибсона, У. Матураны, Ф. Варелы, Э. Томпсона, Э. Хатчинса, Э. Кларка, Т. Ярвилехто, С. Коули и других.

вытекающие из такого подхода следствия, Э. Кларк и Д. Чалмерс [22] выдвинули идею «расширенного сознания» на том основании, что в процессе повседневного общения мы ошибочно не придаем значения тому, как внешние ресурсы — особенно артефакты — расширяют наши мыслительные возможности.

В получившей широкую известность работе Э. Хатчинс [27], отталкиваясь от данных этнографических исследований различных видов человеческой деятельности, показывает, как артефакты, человеческие практики и народные верования влияют на формирование когнитивных задач. Для сложных систем человеческих взаимодействий характерны события, каузальные истоки которых уходят в их функциональную и социальную историю. Перефразируя Э. Кларка [21], можно сказать, что люди зачастую делают мир умным, чтобы мы могли оставаться в нем умиротворенно глупыми: когниция распределена в культуре.

Уникальность человеческой когниции в мире живых систем определяется ее языковым характером [15], поэтому природу сознания нельзя понять в отрыве от языковой деятельности — поведения в консенсуальной области, которое выступает как описание структуры организма в момент осуществления деятельности. При этом структура самого организма есть результат истории взаимного структурного сопряжения между организмом и средой. Как динамичная совокупность определенных состояний нервной системы организма, сознание с необходимостью определяется историей взаимодействий организма со средой, в результате которых и возникает эта совокупность. Внешние факторы играют существенную роль в детерминировании ментальных состояний как результата сопряжения между средой и организмом. Структура нервной системы меняется в зависимости от потока меняющихся отношений в жизни организма в процессе поддержания этой жизни, при этом то, что происходит в языке, будучи частью реляционного пространства, становится также частью области трансформаций человеческой нервной системы, вызывая то, что нам представляется как взаимная модуляция разума и тела.

Сознание не есть нечто, заключенное в мозге; так называемые ментальные процессы суть поведенческие реляционные феномены, а «самосознание суть образ жизни с другими в реляционной области, образуемой языковой деятельностью, и как таковое возникает при участии нервной системы, вовлеченной в порождение поведенческой реляционной динамики организма-среды» [33, с. 15]. Другими словами, сознание *включает в себя язык*, и по этой причине оно, как понятие, относится скорее к человеческому виду в целом, нежели к отдельному индивиду [24; 25]: индивидуальное человеческое сознание, формирующееся в динамических отношениях между собой и другими, изначально имеет *межсубъектный характер* [39]. Эти динамические отношения образуют реляционную область языка как консенсуальной области второго порядка, и именно поэтому сознание не существует и не может рассматриваться вне языка, равно как и противопоставляться

ему. Поэтому когнитивную область языковых взаимодействий, порождающую поведенческую реляционную динамику организма-среды, следует рассматривать и описывать в *экологических терминах* [9; 11], не столько как следствие, сколько как важнейшую причину эволюции человеческого мозга: «происхождение необычных черт в организации структуры человеческого мозга лучше всего можно понять в терминах коэволюции мозга и языка» [23, р. 52].

Мы не найдем ответа на вопрос, что такое сознание, изучая его «нервные основы», но мы можем приблизиться к пониманию того, как устроен и функционирует человеческий мозг, вняв предостережению В. И. Вернадского и изучая *со-знание* как поведенческую динамику в реляционной области языковых взаимодействий, распределенных в пространстве-времени и обеспечивающих единство взаимодействий в экологической системе «организм — среда».

Библиографический список

1. Анохин К. В. Коды Вавилонской библиотеки мозга // В мире науки. 2013. № 5. С. 83—89.
2. Бенвенист Э. Общая лингвистика / Под общ. ред. Ю. С. Степанова. Пер. с фр. М.: Прогресс, 1974. 448 с.
3. Бернштейн В. С., Эдельман В. А. Философия // Гуманитарная энциклопедия [Электронный ресурс] / Под ред. В. С. Стёпина, Э. Г. Юдина, В. С. Бернштейна, В. А. Эдельмана. Режим доступа: <http://gtmarket.ru/concepts/6862>. (дата обращения: 01.10.2017). Заглавие с экрана.
4. Вернадский В. И. Биосфера и ноосфера. М.: Наука, 1989. 261 с.
5. Губский Е. Ф., Кораблева Г. В., Лутченко Г. А. Краткая философская энциклопедия. М.: Прогресс, 1994. 576 с.
6. Зубкова Л. Г. Общая теория языка в развитии. М.: Изд-во Российского ун-та дружбы народов, 2002. 472 с.
7. Имото С. Философское основание теории восприятия Матураны // Язык и познание: Методологические проблемы и перспективы (*Studia linguistica cognitiva* 1) / Пер. с англ. Под ред. А. В. Кравченко. М.: Гнозис, 2006. С. 8—19.
8. Кравченко А. В. Язык и восприятие: Когнитивные аспекты языковой категоризации. Иркутск: Изд. Ирк. ун-та, 1996. 160 с.
9. Кравченко А. В. Человек, язык, среда (к обоснованию холизма как метода гуманитарной науки) // Мир в языке (Сер. Этногерменевтика и этнориторика. Вып. 11) / Отв. ред. Е. А. Пименов, М. В. Пименова. Кемерово: Кемеровский гос. ун-т, 2005. С. 36—51.
10. Кравченко А. В. Гипотеза Сепира-Уорфа в контексте биологии познания // Вопросы когнитивной лингвистики. 2007. № 1. С. 5—14.

11. *Кравченко А. В.* Экология языка и языковая политика // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. 2011. Вып. 13. С. 24—29.
12. *Кравченко А. В.* «Репрезентация мыслительных структур в языке» как тема научного дискурса // Когнитивные исследования языка. Вып. 12: Теоретические аспекты языковой репрезентации. М.; Тамбов: Ин-т языкознания РАН; Тамбовский гос. ун-т им. Г. Р. Державина, 2012. С. 205—216.
13. *Кравченко А. В.* Биологическая реальность языка // Вопросы когнитивной лингвистики. 2013. № 1. С. 55—63.
14. *Кравченко А. В.* От языкового мифа к биологической реальности: переосмысляя познавательные установки языкознания. М.: Рукописные памятники Древней Руси, 2013. 388 с.
15. *Кравченко А. В.* Понятие языковой когниции, или что в имени? // Когнитивные исследования языка. Вып. 15: Факторы и механизмы языковой когниции. М.; Тамбов: Ин-т языкознания РАН; Тамбовский гос. ун-т им. Г. Р. Державина, 2013. С. 58—66.
16. *Кравченко А. В.* Эпистемологическая ловушка языка // Вестник Томского государственного университета. Серия: Филология. 2016. № 3(41). С. 14—26.
17. *Матурана У.* Биология познания // Язык и интеллект / Сост. В. В. Петров. М.: Прогресс, 1996. С. 95—142.
18. *Сепир Э.* Избранные труды по языкознанию и культурологии. М.: Прогресс Универс, 1993. 656 с.
19. *Уорф Б. Л.* Наука и языкознание // Языки как образ мира / Сост. К. Королев. М: Издательство АСТ; С.-Пб.: Terra Fantastica, 2003. С. 202—219.
20. *Хайдеггер М.* Время и бытие. Статьи и выступления / Пер. с нем. М.: Республика, 1993. 447 с.
21. *Clark A.* Being there: Putting brain, body, and world together again. Cambridge, Mass.: The MIT Press, 1997. 269 p.
22. *Clark A., Chalmers D.* The extended mind // Analysis. 1998. # 58(1). P. 7—19.
23. *Deacon T. W.* Brain-language coevolution // The evolution of human languages. SFI studies in the sciences of complexity. Vol. X. / J. A. Hawkins & M. Gell-Man (eds.). Reading, MA: Addison-Wesley, 1992. P. 49—83.
24. *Järvillehto T.* The theory of the organism-environment system: IV. The problem of mental activity and consciousness // Integrative Physiological and Behavioral Science. 2000a. # 35. P. 35—57.
25. *Järvillehto T.* Consciousness as co-operation // Advances in Mind-Body Medicine. 2000b. # 16. P. 89—92.
26. *Humboldt V. von.* Über das vergleichende Sprachstudium in Beziehung auf die verschiedenen Epochen der Sprachentwicklung // Werke in 5 Bdd. Darmstadt: Wissenschaftliche Buchgesellschaft. Bd. III. 1963. S. 1—25.

27. *Hutchins E.* Cognition in the wild. Cambridge, MA: MIT Press, 1995. 381 p.
28. *Kravchenko A. V.* Whence the autonomy? // *Pragmatics & Cognition*. 2007. # 15(3), P. 587—597.
29. *Lakoff G., Johnson M.* Metaphors we live by. Chicago and London: The University of Chicago Press, 1980. 241 p.
30. *Lakoff G., Johnson M.* Philosophy in the flesh: The embodied mind and its challenge to western thought. New York: Basic Books, 1999. 624 p.
31. *Maturana H. R.* Biology of language: The epistemology of reality // *Psychology and biology of language and thought* / G. Miller & E. Lenneberg (eds.). New York: Academic Press, 1978. P. 28—62.
32. *Maturana H. R.* The biological foundations of self-consciousness and the physical domain of existence // *Luhmann N., Maturana H., Namiki M., Redder V. and Varela F.* Beobachter: Konvergenz der Erkenntnistheorien? Munich: Wilhelm Fink Verlag, 1992. P. 47—117.
33. *Maturana H., Mpodozis J. and Letelier J. C.* Brain, language, and the origin of human mental functions // *Biological Research*. 1995. # 28. P. 15—26.
34. *Minsky M.* The society of mind. New York, etc.: Touchstone, 1985. 340 p.
35. *Morris C. W.* Foundations of the theory of signs // *International encyclopedia of unified science* / O. Neurath, R. Carnap and C. W. Morris (eds.). Vol. 1. Part 2. Chicago: University of Chicago Press, 1938. P. 1—59.
36. *Premack D.* The infant's theory of self-propelled objects // *Cognition*. 1990. # 36 (1). P. 1—16.
37. *Searle J. R.* Mind, language and society: Philosophy in the real world. New York: Basics Books, 1998. 175 p.
38. *Sebeok T. A.* Global semiotics. Bloomington: Indiana University Press, 2001. 238 p.
39. *Thompson E.* Empathy and consciousness // *Journal of Consciousness Studies*. 2001. # 8(5-7). P. 1—32.

References

- Anokhin, K. V. (2013) Kody Vavilonskoi biblioteki mozga, *V mire nauki*, no 5, pp. 83—89.
- Benveniste, E. (1974) *Obshchaia lingvistika*, Moscow: Progress.
- Bernshtein, V. S., Edel'man, V. A. (2017) *Filosofia, Gumanitarnaia entsiklopediia*, V. S. Stepin, E. G. Iudin, V. S. Bernshtein, V. A. Edel'man (eds.), available from: <http://gtmarket.ru/concepts/6862> (accessed: 01.10.2017).
- Clark, A. (1997) *Being there: Putting brain, body, and world together again*. Cambridge, Mass.: The MIT Press.
- Clark, A., Chalmers, D. (1998) The extended mind, *Analysis*, vol. 58 (1), pp. 7—19.

- Deacon, T. W. (1992) Brain-language coevolution, in: *The evolution of human languages. SFI studies in the sciences of complexity. Vol. X.* J. A. Hawkins & M. Gell-Man (eds.). Reading, MA: Addison-Wesley, pp. 49—83.
- Gubskii, E. F., Korableva, G. V., Lutchenko, G. A. (1994) *Kratkaia filosofskaia entsiklopediia*, Moscow: Progress.
- Humboldt, V. von. (1963) Über das vergleichende Sprachstudium in Beziehung auf die verschiedenen Epochen der Sprachentwicklung, in *Werke in 5 Bdd*, Darmstadt: Wissenschaftliche Buchgesellschaft, pp. 1—25.
- Hutchins, E. (1995) *Cognition in the wild*, Cambridge, MA: MIT Press.
- Imoto, S. (2006) Filosofskoe osnovanie teorii vospriiatiia Maturany, in: *Iazyk i poznanie: Metodologicheskie problemy i perspektivy (Studia linguistica cognitiva 1)*, A. V. Kravchenko (ed.), Moscow: Gnozis, pp. 8—19.
- Järvilehto, T. (2000) Consciousness as co-operation, *Advances in Mind-Body Medicine*, vol. 16, pp. 89—92.
- Järvilehto, T. (2000) The theory of the organism-environment system: IV. The problem of mental activity and consciousness, *Integrative Physiological and Behavioral Science*, vol. 35, pp. 35—57.
- Heidegger, M. (1993) *Vremia i bytie. Stat'i i vystupleniia*, Moscow: Respublika.
- Kravchenko, A. V. (1996) Iazyk i vospriiatie: Kognitivnye aspekty iazykovoi kategorizatsii, Irkutsk: Izd. Irk. un-ta.
- Kravchenko, A. V. (2005) Chelovek, iazyk, sreda (k obosnovaniuu kholizma kak metoda gumanitarnoi nauki), in: *Mir v iazyke* (Ser. Etnogermenevtika i etnoritorika. Vyp. 11), E. A. Pimenov, M. V. Pimenova (eds), Kemerovo: Kemerovskii gos. un-t, pp. 36—51.
- Kravchenko, A. V. (2007) Gipoteza Sepira-Uorfa v kontekste biologii poznaniia, *Voprosy kognitivnoi lingvistiki*, no 1, pp. 5—14.
- Kravchenko, A. V. (2011) Ekologiiia iazyka i iazykovaia politika, *Aktual'nye problemy filologii i pedagogicheskoi lingvistiki*, Vyp. 13, pp. 24—29.
- Kravchenko, A. V. (2012) «Reprezentatsiia myslitel'nykh struktur v iazyke» kak tema nauchnogo diskursa, in: *Kognitivnye issledovaniia iazyka. Vyp. 12: Teoreticheskie aspekty iazykovoi reprezentatsii*, Moscow: In-t iazykoznaniiia RAN; pp. 205—216.
- Kravchenko, A. V. (2013) Biologicheskaiia real'nost' iazyka, *Voprosy kognitivnoi lingvistiki*, no 1, pp. 55—63.
- Kravchenko, A. V. (2013) *Ot iazykovogo mifa k biologicheskoi real'nosti: pereosmysliaia poznavatel'nye ustanovki iazykoznaniiia*, Moscow: Rukopisnye pamiatniki Drevnei Rusi.
- Kravchenko, A. V. (2013) Poniatie iazykovoi kognitsii, ili chto v imeni?, in: *Kognitivnye issledovaniia iazyka. Vyp. 15: Faktory i mekhanizmy iazykovoi kognitsii*, Moscow: In-t iazykoznaniiia RAN, pp. 58—66.

- Kravchenko, A. V. (2016) Epistemologicheskaiia lovushka iazyka, *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Serii: Filologiya*, no 3 (41), pp. 14—26.
- Kravchenko, A. V. (2007) Whence the autonomy?, *Pragmatics & Cognition*, vol. 15(3), pp. 587—597.
- Lakoff, G., Johnson, M. (1980) *Metaphors we live by*, Chicago and London: The University of Chicago Press.
- Lakoff, G., Johnson, M. (1999) *Philosophy in the flesh: The embodied mind and its challenge to western thought*, New York: Basic Books.
- Maturana, H. (1996) Biologiya poznaniia, in: *Iazyk i intellekt*, V. V. Petrov (ed.), Moscow: Progress, pp. 95—142.
- Maturana, H. R. (1978) Biology of language: The epistemology of reality, in: *Psychology and biology of language and thought*, G. Miller & E. Lenneberg (eds.), New York: Academic Press, pp. 28—62.
- Maturana, H. R. (1992) The biological foundations of self-consciousness and the physical domain of existence, in: *Beobachter: Konvergenz der Erkenntnistheorien?*, Munich: Wilhelm Fink Verlag, pp. 47—117.
- Maturana, H., Mpodozis, J. and Letelier, J. C. (1995) Brain, language, and the origin of human mental functions, *Biological Research*, vol. 28, pp. 15—26.
- Minsky, M. (1985) *The society of mind*. New York, etc.: Touchstone.
- Morris, C. W. (1938) Foundations of the theory of signs, *International encyclopedia of unified science*, O. Neurath, R. Carnap and C. W. Morris (eds.), Vol. 1. Part 2. Chicago, pp. 1—59.
- Premack, D. (1990) The infant's theory of self propelled objects, *Cognition*, vol. 36 (1), pp. 1—16.
- Searle, J. R. (1998) *Mind, language and society: Philosophy in the real world*. New York: Basics Books.
- Sebeok, T. A. (2001) *Global semiotics*. Bloomington: Indiana University Press.
- Sapir, E. (1993) *Izbrannye trudy po iazykoznaniiu i kul'turologii*. Moscow: Progress Univers.
- Thompson, E. (2001) Empathy and consciousness, *Journal of Consciousness Studies*, vol. 8(5-7), pp. 1—32.
- Whorf, B. L. (2003) Nauka i iazykoznanie, in: *Iazyki kak obraz mira*, K. Korolev (ed.), Moscow: Izdatel'stvoAST, pp. 202—219.
- Vernadsky, V. I. (1989) *Biosfera i noosfera*. Moscow: Nauka.
- Zubkova, L. G. (2002) *Obshchaia teoriia iazyka v razvitii*. Moscow: Izd-vo Rossiiskogo un-ta druzhby narodov.